

The poster features a close-up of a woman's face on the left, with her eyes looking towards the right. On the right side, there is a spiral tunnel that leads to a man in a suit standing in a room. The overall color palette is warm, with browns, oranges, and yellows.

Для
Робач

Принцип
Талмонна

Как далеко может завести желание отомстить?

Где та грань, — и есть ли она?.. — за которую нельзя переступить?

Или другой вопрос: в любви и возмездии все средства хороши?

Я говорю однозначное "Да!" и хочу, чтобы ты убила Виктора Вайнштейна.

От автора: принцип талиона — принцип назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна воспроизводить вред, причинённый преступлением («око за око, зуб за зуб»)

Глава первая. Поехали!

"Вчера ночью группа неизвестных проникла в офис, принадлежащий Далласскому благотворительному Фонду помощи детям-сиротам, учрежденному уважаемым гражданином нашего города, доктором Виктором Вайнштейном.

Около четырех часов утра группа лиц в масках проникла в здание, убив двух охранников. Преступники перевернули и сожгли шкафы с документацией в штабе Фонда, повредили мебель и другие предметы интерьера, разбили стекла и зеркала, изрисовали несмываемой краской стены и потолок, а также унесли с собой некоторые ценные предметы.

Пресс-секретарь полицейского Департамента, расследующего данный преступный акт, прокомментировал: "Мы не знаем, кто стоит за инцидентом, или чем они руководствовались в своих действиях. Основная наша задача состоит в том, чтобы вычислить преступников и понять их мотивацию".

Также стало известно, что это не первый случай покушения на собственность мистера Вайнштейна. Двамя месяцами ранее был сожжен дотла его загородный дом. Жертвами тогда тоже стали двое. Полицией выдвигаются версии, что они имеют дело с вендеттой, направленной против самого Виктора Вайнштейна. Тот, в свою очередь, отрицает любую возможность личной мести. Ведется расследование".

=+==

Я дослушиваю блок местных криминальных новостей и, выключив приемник, съезжаю на дорогу, ведущую к частной школе Гринхилл. Неожиданно в голову приходит мысль, что за последние месяцы я проезжала по этому маршруту бесчисленное количество раз, но впервые делаю это на своей машине. Что, впрочем, неудивительно, учитывая, что светиться раньше времени и оставлять так явно указывающий на меня след я не собиралась.

Но сегодня это было неизбежно: моя машина — приманка, центральный персонаж предстоящего действия, пусть и неодушевленный, и выбора у меня, по сути, не было. Хотя, конечно, машину можно и угнать, но не такую, как у меня. А я имела неосторожность похвастаться моделью, поэтому иду на дело с открытым забралом. Ну, с почти открытым...

И снова неожиданно для себя я вдруг обнаруживаю, что испытываю безотчетное волнение. Сердце стучит быстрее и ритм у него неровный, скачущий.

— Что за новости? — вслух недоумеваю я и неодобрительно мотаю головой, одновременно пытаюсь стряхнуть с себя это нервное наваждение.

Это ощущение действительно было странным, потому что волноваться мне не из-за чего. План хорошо продуман, выверен до минуты, и ничего в нем не должно и не может пойти не так. А сейчас мне и вовсе предстоит самый простой его пункт. Не существует ни

единого шанса, что я не справлюсь со своей задачей и испорчу первый акт моего личного марлезонского балета.

Зарулив на пришкольную парковку и остановившись в дальнем ее углу, я сверяюсь с часами — занятия только что закончились. Сделав глубокий вдох и мысленно сказав себе: "Поехали!", я нажимаю на ручку двери и вышагиваю из машины. Прислоняюсь к матовому на вид, но гладкому наощупь крылу и жду появления того, за кем приехала.

=+=+=

— Роберт! — завидев его яркую курточку, я вскидываю руку и приветливо машу.

— Кристина, привет! — оборачиваясь на звук моего голоса, он идет мне навстречу, ускоряет шаг, и едва ли не бежит.

Объемный и плотно набитый учебниками рюкзак подпрыгивает у него на спине. Я невольно улыбаюсь.

А дождавшись, когда он приблизится, чуть прищурившись, лукаво спрашиваю:

— Ну что, ты готов?

— Смотреть твою новую тачку? — вспыхивают радостным блеском его почти изумрудные глаза.

И на один краткий миг у меня перехватывает дыхание. Мне кажется, что когда-то раньше я уже смотрела в эти глаза, но это ощущение мимолетно, и через секунду я о нем забываю.

— Аха, — энергично киваю, растягивая губы в самой широкой улыбке.

— Мерседес Эсэлэс?

Я вновь киваю, и подозреваю, что вид у меня до неприличия самодовольный. Но ведь я действительно горжусь своей матовой красавицей¹. И стоит мне только упомянуть о ней, как я тут же обо всем забываю. Да, я автомобильная маньячка, и не считаю, что полмиллиона долларов — неоправданно высокая цена за "грудку штампованного железа".

— Я ее только в журналах видел. А еще в Трансформерах², - его глаза горят, как у всех мальчишек.

— Ну вот сейчас увидишь воочию, — я счастливо смеюсь. — Только предупреждаю: на альтформу Саундвейва мой Кичерер совсем не похож.

— Да какая разница! — он хватает меня за руку и тащит в сторону стоянки. — Это же Эсэлэс! Я по-любому просто умру от зависти.

Я загадочно улыбаюсь. И рука об руку мы торопливо шагаем к разноцветной веренице машин.

Подходим к сверкающему новизной и хромовым блеском, потрясающему красотой и изяществом шедевр автомобильного искусства. Роберт замирает на полпути и в изумлении открывает рот. Я тоже едва сдерживаюсь, чтобы вновь не обомлеть и не составить вместе с ним молчаливую скульптурную композицию. После секундного замешательства Роберт начинает бегать вокруг Мерседеса и сыпать восторженными возгласами. Он жадно водит руками по черному корпусу, ощупывая рельеф и каждую детальку. Поднимает и вновь опускает дверки, касается красной кожаной обшивки кресел, замшевой обмотки рулевого колеса, что-то невнятно бормочет и, кажется, не замечает ничего вокруг.

Вскоре меня утомляет его мельтешение, и я нетерпеливо предлагаю: — Садись, прокачу.

Не дожидаясь повторного приглашения, он запрыгивает на пассажирское сиденье. Я загружаюсь следом и, щелчком заблокировав двери, поворачиваюсь к нему.

— Поехали? — от улыбки, что не сходит с моего лица все это время, у меня уже сводит мышцы.

Он молча кивает.

— Пристегнись, — советую я, левой рукой нащупывая под сиденьем влажную ткань.

Когда Роберт отворачивается к катушке ремня безопасности, я резко вытягиваю руку и подношу заранее пропитанный хлороформом платок к его лицу, закрывая им нос и рот. Он успевает дернуться лишь один раз, переводит на меня испуганный взгляд, но уже в следующую секунду обмякает. Голова его безвольно повисает, и я бережно прислоняю ее к спинке сиденья.

Перевожу взгляд в стекло перед собой и, заведя двигатель, неспешно вырulingиваю со школьной парковки.

Я снова улыбаюсь, но впервые за этот день на самом деле испытываю радость. И удовлетворение за отлично проделанную работу.

Как же долго я этого ждала...

— Ты даже не представляешь, малыш Бобби, — говорю я тихо в пустоту, — насколько близок ты был к правде. Очень скоро ты, возможно, и правда умрешь, но точно не от зависти...

=+=+=

Мерседес, с трудом преодолев двести ярдов по чудовищно ухабистой, с накатанными глубокими колеями, дороге, плавно останавливается под мостом через обмелевшую Тринити, рядом с уже припаркованным там же джипом. Левая передняя дверь открыта, Диллан сидит на кресле водителя, спустив одну ногу на землю, и напряженно смотрит на меня.

Он не двигается с места, но спрашивает, переставая жевать:

— Успешно?

— Еще бы. — Я серьезна и собранна. — Забирай мальчишку. Ты знаешь, что делать.

— Знаю, — коротко кивает и пересаживается на мое место за рулем суперкара.

Всем своим видом он демонстрирует несогласие с порученным заданием, как делает это уже довольно давно — с тех самых пор, как узнал мои планы, еще до приезда в Даллас. Но в то же время я знаю, что вслух он свое недовольство никак не выразит и, более того, выполнит всё точно по инструкции. А именно перевезет парня в укромное место и будет сторожить его до тех пор, пока тот мне не понадобится. Идеальный солдат.

Проводив взглядом свою машину, поднявшую за собой небольшой фонтан пыли и мелких камней, я подхожу к изрядно побитому японскому джипу и занимаю водительское сиденье. На автомате проверяю документы в бардачке и, достав из заднего кармана джинсов телефон, набираю единственный номер в журнале звонков.

В планах никаких изменений, мой следующий объект уже находится там, где мы должны вскоре встретиться. На секунду, поддавшись необъяснимому порыву, я закрываю глаза. Снова это непрошеное волнение?.. Я начинаю злиться на себя за эти странные реакции организма, кои совершенно некстати накатили на меня именно в тот момент, когда я, наконец, близка к своей цели. К цели, к которой стремлюсь бесчисленное количество лет. Уже так много проделано для ее достижения, столько вовлечено людей и потрачено времени и денег, что любое проявление слабости с моей стороны совершенно недопустимо.

Райан, будто почувствовав мое колебание, терпеливо молчит, давая мне самой разобраться с собой. Это его молчание действует на меня как порция холодной воды,

выплеснутой из стакана прямо в лицо — отрезвляюще.

— Не забудь прислать фото, — бросаю я и включаю передачу.

Меня ждет второй акт представления.

=+=+=

Я сижу, скрестив руки на руле и прислонившись к ним лбом. Со стороны может показаться, что я сплю, но из-под полуприкрытых век я контролирую все, что происходит вокруг. Правда, контролировать-то особо нечего. Конечно, движение на подземной парковке Галереи достаточно активное — поток покупателей неиссякаем, одни машины приезжают, другие уезжают, доверху нагруженные фирменными пакетами, но мне нет до них дела. Вот уже полчаса я жду появления парочки, следом за которой я и спустилась в этот каменный мешок. Точнее, за ее прекрасной половиной. Тот напыщенный индюк, что постоянно трется возле "моей" девушки — как окрестили ее ребята Райана, — ничуть меня не интересовал. А вот она... К ней у меня имеется предложение, от которого она попросту не сможет отказаться. Да и кто бы смог?..

"Я", мгновенно всплывает в голове ответ на вполне себе риторический вопрос. Но я была бы не я, если б не ответила.

Но и блондинка, за которой я и мои парни следим вот уже несколько месяцев, к счастью, тоже не была мной, и это позволяет мне надеяться, что ее выбор будет в мою пользу. Хотя и ее отказ не станет для меня неожиданностью. И уж точно не нарушит моих планов.

Я подумываю еще раз позвонить Райану и узнать, как ведет себя его подопечный, но тут в воздухе что-то неуловимо меняется, и я физически ощущаю, как напрягаются мышцы во всем теле и обостряются органы чувств: началось...

Чуть приподняв голову, я смотрю вперед, но ничего не вижу, тогда перевожу взгляд налево и замечаю две знакомые фигуры, уверенно движущиеся по направлению ко мне.

Стараясь действовать незаметно, я быстро оглядываюсь по сторонам и вновь убеждаюсь, что выбрала правильную позицию. С удовлетворением хмыкнув, осторожно тяну на себя ручку открывания двери. Замок щелкает почти бесшумно — к встрече я готова.

"Моя девушка" идет впереди своего спутника, в руках у которого пять или шесть разноцветных пакетов, и данное положение вещей вызывает у меня легкую досаду, потому что требует корректировки моего идеального плана. Разумеется, я была готова к такому варианту, но все же надеялась на лучшее.

И удача не изменяет мне и на этот раз...

Споткнувшись обо что-то, девушка роняет ключи от машины и наклоняется, чтобы их поднять. Ее усатый сталкер обгоняет ее и первым достигает того места, где сижу я в Диллановской машине-для-заданий. Индюк делает еще шаг, и я, резко толкнув дверцу Тойоты, сильным ударом сбиваю его с ног. Смешно взмахнув руками, он падает на спину, неподготовленно, навзничь. Пакеты взмывают в воздух и плавно приземляются на каменный пол и кузова близ стоящих автомобилей. Ядовито розовая сумка с поповым лейблом опускается на капот Тойоты, я зачем-то провожаю его взглядом.

— Ларри! — вскрикнув, блондинка бежит к распластавшемуся на земле усатику, но я опережаю ее.

Высунув голову в по-прежнему открытую дверь, приказываю категоричным тоном:

— Садись в машину.

Она резко останавливается и смотрит на меня. Всего одну секунду ее лицо выражает

недоумение и неверие в услышанное, но потом на смену им приходит осознание того, что падение Ларри было неслучайным. И взгляд поразительной красоты васильковых глаз становится ледяным и колючим. Инстинктивно она отступает на шаг назад, но не пытается убежать. И я не вижу никаких признаков страха, более того, она смотрит на меня так, будто бросает мне вызов. Что ж, смелость — это похвально. Посмотрим, как долго она будет храбриться...

Подняв с приборной панели смартфон и проведя пальцем по экрану, я поворачиваю его дисплеем к девушке и демонстрирую открытую на нем фотографию. На ней изображен десятилетний мальчик, привязанный к стулу, рот его грубо заклеен скотчем. Он щурится и пытается отвернуться от объектива, потому что в лицо ему направлен яркий слепящий свет прожектора.

Жаль, его направляю не я.

Одного-единственного взгляда ей достаточно, чтобы узнать парня, и взгляд ее из надменно-равнодушного тотчас становится умоляющим. Наконец в нем появляется страх.

— Полагаю, ты узнала своего брата. Если тебе не все равно, где он и что с ним будет, я повторяю свое приглашение.

Она медлит. Глаза ее мечутся от фотографии к по-прежнему неподвижному телу друга. Я вижу, что ей нелегко сделать выбор — кинуться на помощь одному, бросив другого, или все же сначала убедиться, что последний в порядке.

— Третий раз я предлагать не стану. Еще секунда на раздумье, и приглашение аннулируется, — бесстрастно роняю я, садясь на водительское сидение и хлопая дверью.

Она больше не сомневается. Вмиг срывается с места и, подбежав к правой стороне джипа, занимает место рядом со мной.

— Что с моим братом? И что тебе от нас нужно? — она сильно нервничает, и в голосе появляются визгливые нотки, которые красотка даже не пытается скрыть.

— Сейчас все узнаешь. Потерпи, — обещаю я с победной улыбкой и резко стартую, желая сбить с капота уродливый розовый пакет.

Умело избежав траффика, я выезжаю на Интерстейт 635 и движусь в сторону аэропорта, лавируя в потоке машин. За все это время я не произношу ни слова, да и Викки — именно так зовут блондинку — не лезет ко мне с вопросами, мудро рассудив, что не в ее интересах меня торопить. И хоть ничто не мешает мне посвятить девушку в мои планы на нее, тем не менее, я выжидаю еще некоторое время, прежде чем сказать:

— Я хочу, чтобы ты убила Виктора Вайнштейна.

Глава вторая. Компромисс

В салоне Тойоты повисает тягучая зловонная тишина. Ее нарушают лишь рокот мотора, шуршание шин и свист ветра, но все эти звуки живут снаружи. А внутри... ничего. Я, невольно притихшая в ожидании ответной реакции Викки, и она, оцепеневшая и шокированная, которая и раньше сидела тихо, никак не обозначая своего присутствия, а теперь и вовсе, кажется, перестала дышать. Я и не думала, что молчание может быть таким ощутимым, объемным, рельефным. Усмехнувшись своим патетическим мыслям, я мотаю головой. Мысленно делаю ставку на то, каким будет ее ответ на мое нахальное требование, и выигрываю.

— Что? — сдавленно шепчет она, когда ей удается справиться с состоянием шока.

Я повторяю свое желание.

— Я не понимаю...

— Я могу объяснить, — отвечаю терпеливо. — Убить, иначе умертвить — это лишить человека жизни. Или ты переживаешь за способ убийства? Мне все равно. Выбирай любой: пистолет, клинок, чулок, испорченные тормоза, яд... Тут ты можешь проявить фантазию и инициативу — никаких ограничений с моей стороны. Главное, чтобы он был мертв.

Конечно, я лукавлю. Я бы предпочла, чтобы его смерть была мучительной, чтобы его убивали медленно, извращенно, долго. Чтобы подыхал он так же не по-человечески, как и жил. И больше всего я желала присутствовать на его казни. Много лет я жила с этой мыслью, долгие недели, месяцы, годы я возвращала и преумножала в себе ненависть к нему, и готовилась к убийству, изобретая все новые способы, прорабатывая все новые планы. Даже когда не знала имени того, кого так неистово ненавижу. Месть была моей единственной целью, моей единственной мечтой, единственным смыслом моей жизни.

А теперь я хочу, чтобы это сделала она.

— С какой стати?! Я не понимаю, зачем мне убивать отца, — говорит она резко и тут же возражает сама себе: — Нет. Нет. Я не понимаю, зачем это тебе...

— Как-то раз он не уступил мне место в автобусе, — серьезным тоном отвечаю я, обгоняя длинный автовоз.

После раздражающе длительной паузы она с презрением спрашивает:

— Ты сумасшедшая?

— Полегче, девочка, — предостерегаю ее я, поворачивая голову и устремляя на нее не самый дружелюбный взгляд. — Я совсем не так безобидна, как тебе могло показаться. Если я веду себя цивилизованно и расточаю улыбки, это вовсе не значит, что в рукаве у меня не спрятан ножичек.

Ее взгляд тотчас перемещается к манжетам рукавов, плотно облегающих запястья моих рук, желая проверить, шучу я или на самом деле ношу при себе холодное оружие. Ношу, мысленно киваю я, только она не там ищет.

— И не советую тебе усомниться в моих словах, иначе я докажу их правоту на деле. Вряд ли ты захочешь это увидеть. И тем более — в этом участвовать, — заканчиваю я свою речь.

— Извини, — бормочет она поспешно, и я вновь сосредотачиваюсь на управлении джипом.

Несмотря на изрядно потасканный внешний вид, ход у него что надо, и я почти наслаждаюсь вождением, хоть в это время дня трафик уже достаточно плотный. Но чем дальше мы уезжаем от города, тем свободнее становится дорога и тем ниже вправо падает стрелка спидометра.

— Где мой брат? — чуть помедлив, спрашивает Викки, и сейчас ее голос звучит вполне миролюбиво — она больше не задирается.

— В надежном месте, — пожав плечами, даю я самый распространенный ответ на ее вопрос.

— Он где-то за городом? — не отстает она.

Учитывая, что мы только что обогнули аэропорт и движемся далее, ее предположение логично, но она просто дура, если думает, что я везу ее к брату. И еще бóльшая дура, если надеется увидеть его снова. Даже если она выполнит свою часть предлагаемой сделки.

Я вновь пожимаю плечами, не подтверждая и не опровергая ее догадку. Ее информирование в мои планы не входит. Но она не унимается.

— Зачем тебе мой брат?

— Он побудет у меня, пока мы с тобой улаживаем уже известное тебе дело. В качестве гарантии, — это не вся правда, но остальное ей пока знать необязательно.

— Кто ты? — тут же следует новый вопрос.

Не скажу, что я не ждала его, и все же ее наивность меня удивляет. Я тихо фыркаю и думаю, а не ответить ли ей и в самом деле, кто я. Было бы забавно... Но эта мысль меня не увлекает. Я игнорирую ее вопрос, и она замолкает. Но, к сожалению, ненадолго. Ее посещает догадка, и она спешит поделиться ей со мной.

— Я поняла! Все эти несчастные случаи, произошедшие с нашей семьей за последние несколько месяцев: поджог загородного дома, бомба, заложенная в фитнес-клубе моей матери, проникновение психов в офис папиного благотворительного фонда, — при упоминании о фонде я едва сдерживаюсь, чтобы не заставить ее заткнуться, — испорченные тормоза в его машине — все это твоих рук дело?! В этом замешана ты?

Я неопределенно хмыкаю и покачиваю головой вверх и вниз, из стороны в сторону, говоря то ли да, то ли нет. Ответить утвердительно с моей стороны было бы нечестно — я ведь не одна приложила к этому руку. Это было бы слишком круто. Но она права — все это произошло не без моего участия и уж точно по моей инициативе и под моим руководством.

— Что тебе сделал мой отец? Почему ты хочешь его убить?

— Я хочу, чтобы его убила ты, — мрачно поправляю ее я. — Это не совсем одно и то же.

— Почему ты хочешь, чтобы я убила его? — изменяет она свой вопрос, продолжая допрашивать меня с упорством, начинающим раздражать.

— Почему мне кажется, что мы играем в двадцать вопросов? — вяло парирую я.

— Ты просишь...

Я удивленно приподнимаю брови, и она спешит исправиться.

— Ты требуешь, чтобы я убила очень дорогого мне человека, но не желаешь объяснить мне, почему я должна это сделать.

К концу предложения ее голос приобретает металлический оттенок, а в выражении лица появляются решимость и злость. Мне нравятся эти изменения — прелюдия меня порядком утомила. Но спешить с моей стороны было бы неразумно, Викки нужно было время, чтобы свыкнуться с мыслью об отцеубийстве. И она с нею свыклась, даже если пока еще сама этого не осознает — она уже не восстает против убийства, она лишь хочет знать почему.

Первый рубеж пройден.

На ближайшей развязке я съезжаю с шоссе и устремляюсь к платной дороге имени сорок первого президента, чтобы по ней вернуться в город.

— Ты должна сделать это, чтобы спасти другого дорогого тебе человека, — наконец прерываю я затянувшееся молчание, сразу переходя к главному.

Она смотрит на меня, не моргая.

— Ты не причинишь ему боли.

Она произносит это с поразительной убежденностью, и мне очень хочется прямо сейчас доказать ей обратное. Просто чтобы она поперхнулась собственными словами, чтобы поняла, что ими нельзя разбрасываться. Никогда нельзя утверждать того, в чем ты не уверен и на что не можешь повлиять. Никогда...

Но я усмиряю эту вспышку неуместного сейчас гнева.

— Даже я не знаю этого наверняка, — холодно отвечаю. — Но это легко проверить — откажись убивать Виктора, и мы узнаем, способна ли я причинить боль маленькому мальчику. Еще раз...

Она едва слышано ахает, от ужаса зрачки ее удивительных глаз-васильков расширяются, и их заполняет непроглядная чернота. Такая же беспощадная, что царит и в моей душе последние одиннадцать лет.

— Я предлагаю тебе компромисс, Викки, — она слишком подавлена, чтобы заметить, что я обращаюсь к ней по имени, да и вряд ли ее удивила моя осведомленность — подобные встречи не случаются без тщательной подготовки. — Либо ты убиваешь отца и этим спасаешь брата, либо его прибуду я, но в таком случае Роберт отправится вслед за папочкой. Виктору по-любому конец, и только от тебя зависит, что будет с малышом Робертом. Убить или не убить. Приговорить или спасти. Выбор за тобой...

Я неотрывно смотрю на нее, при этом продолжая вести машину и даже не снижая скорости. Но она не обращает на это внимания. Она тоже сверлит меня глазами, в которых стоят слезы. Серьезность моего голоса и мрачная решимость во взгляде не оставляет ей надежды на то, что это просто глупая шутка. И этими слезами она уже сейчас оплакивает одного из своих мужчин. Уже сейчас она прощается с кем-то из них. Или сразу с обоими?..

Я не желаю быть свидетелем ее колебаний и останавливаюсь на обочине. Викки, кажется, даже не замечает этого, пока я не говорю:

— Выходи.

Она не слышит меня, я повторяю приказ, на этот раз громче, и щелкаю пальцами перед ее лицом. Она вздрагивает и поворачивает голову к окну.

— Прямо здесь? — спрашивает растерянно.

— Приглашение действовало на поездку в одну сторону.

Она не движется, и я чувствую, как во мне поднимается раздражение. Мне надоела эта заносчивая девица, привыкшая к тому, что все в этой жизни дается ей легко. Что мир вертится вокруг нее. Она никогда и ни в чем не знала отказа, никогда не делала того, чего ей не хотелось. И даже сейчас вела себя так, будто это она, а не я диктую условия. Но я заставлю ее плясать под мою дудку. Она примет мои правила игры и шлепнет своего папочку.

Или я шлепну их всех.

А пока пусть ловит попутку или может топтать пешком. Я не нанималась ее возить.

Наконец она берется за ручку двери, но ее руки так сильно дрожат, что она не может открыть ее.

Я перегибаюсь через нее и тяну ручку на себя, толкаю дверь.

— Выметайся!

Она покорно выходит. Слезы, еще минуту назад стоявшие в ее глазах, теперь беспрепятственно стекают по лицу, образуя влажные, темные от потекшей туши, дорожки. Она уже не та красивая и яркая девушка, от которой текли слюнки у всех моих парней, едва не дерущихся друг с другом за право следить за ней, в эту минуту она жалкая, несчастная и потерянная.

Но мне не жаль ее.

Когда-то меня тоже не пожалели. И не только меня...

— Я не ставлю перед тобой никаких временных рамок, — говорю я напоследок, чуть подавшись вперед, чтобы видеть ее лицо. — Сама решай, когда умереть Виктору. Только

помни, что твой брат не на курорте. Чем раньше... — я не договариваю фразу. — И я опускаю эти пошлые предупреждения не звонить в полицию и никому не сообщать о нашем разговоре. Ты можешь сделать это прямо сейчас. Твой отец и брат сдохнут быстрее.

Не дожидаясь ее ответа, я давлю на газ, джип послушно рвется вперед, и пассажирская дверь, едва не задев Викки, захлопывается.

Я ни разу не оборачиваюсь.

Глава третья. Полуправда

Проехав почти до конца по одной из центральных улиц района Плезант Гроув на западе Далласа, я слегка притормаживаю у утопающего в густых зарослях плодовых деревьев дома с табличкой "Продается" на углу глянцево-белого — явно свежее выкрашенного — забора. Но не останавливаюсь, а уверенно проезжаю дальше, успевая заметить колыхание занавески в крайнем окне второго этажа — сигнал, что меня видели. На ближайшем перекрестке сворачиваю вправо и делаю небольшой круг, чтобы снова вернуться к тому дому. На этот раз ворота в гараж на две машины открыт и я, убедившись, что на улице никого нет и мои маневры остаются незамеченными, быстро заезжаю внутрь. Автоматические ворота немедленно опускаются.

Меры предосторожности, возможно, и излишние — до сих пор никто не обращал на нас и наши действия никакого внимания, — но в том, что касается безопасности, Райан всегда был непреклонен. Да и в нашем деле никогда нельзя расслабляться. Мы не должны оставлять ни улики, ни следов, ни свидетелей. Поэтому наша группа регулярно меняет дома, отели и даже города проживания вблизи от объекта.

В этом деревянном коттедже я оказываюсь впервые — его арендовали только вчера, по поддельным, разумеется, документам. Задания, связанные с общением с невовлеченными в дело людьми — сотрудниками различных госслужб, салонов и агентств по найму, прокату и прочим услугам — мы обычно поручаем Логану. Парень среднего роста с незапоминающейся внешностью, без особых примет и какого-либо заметного акцента, то есть почти невидимка. Описать его внешность точнее, чем общими фразами, практически невозможно, что делало неопасным и потенциальное опознание, если вдруг что-то выйдет из-под контроля. И за те восемь лет, что он в команде, он неизменно доказывал истинность данной теории и правильность нашей ставки на него.

И снаружи, и внутри коттедж еще явно довоенной постройки выглядит маленьким, но обладает весомым для нас преимуществом — подвалом, оборудованным и хорошо звукоизолированным. В котором и ожидает своей участи наш малолетний гость.

Пройдя в дом через внутреннюю дверь, ведущую из гаража, я попадаю в пустую гостиную, где на одиноком стуле восседает Пол. Навстречу мне из двери под лестницей появляется Райан. Равноправный партнер, надежный напарник, бессменный соучастник, голова и сердце всех наших операций. И мой нежный возлюбленный.

Но сейчас в его взгляде не нежность, а деловитость, сосредоточенность и даже некоторая суровость — мы на работе.

— Как прошло? — спрашивает он без предисловий.

— Как по нотам, — в тон ему отвечаю я и, в свою очередь, спрашиваю, как их подопечный.

— Нормально, — хмыкает он и немного расслабляется. — Как только очнулся, начал брыкаться и кусаться, но у Тайлера разговор короткий, ты же знаешь. Никакого пиетета

перед ребенком.

— Знаю, стойкий иммунитет и к возрасту, и к полу объектов. Фото, кстати, отличное получилось, — хвалю я. — Она сразу прониклась и присмирела, хоть и не перестала сыпать вопросами.

— Представляю, как тебя это бесило. — Он улыбается.

И я тоже. Почти.

— Ладно, идем к парню. Нужно снять еще одно мотивационное фото. Рыбка наживку заглотила, но слишком она избалована, слишком радужны ее представления о жизни, чтобы мои угрозы так сразу подействовали.

— Так ты и не волосы ей сбрить предлагаешь, — он выразительно пожимает плечами, — отца убить. Было бы странно, если бы она легко на это решилась. Даже будь она профессиональной убийцей, а не... оранжерейным растением.

На этих его словах мой взгляд потухает, и он резко меняет тему.

— Давно хочу спросить, но все как-то... Почему ты вдруг отказалась от первоначального плана самой поквитаться с доктором Франкенштейном, а решила орудием своей мести сделать его дочурку?

Я опускаю глаза и смотрю на его кроссовки. Не потому, что вопрос застаёт меня врасплох или мне нечего на него ответить — я точно знаю ответ. Я знаю даже дату и время с точностью до минуты, когда со мной случился этот "вдруг", и я приняла решение все переиграть. Я помню до мельчайших деталей всё, что видела в тот момент, всё, что происходило вокруг, вплоть до того, какие люди находились рядом, сколько их было, какой запах витал в воздухе, и даже во что я тогда была одета.

И фейерверком вспыхнувшую в голове мысль "Это должна сделать она".

Тот момент навсегда отпечатался в моей памяти, он был словно выжжен на подкорке моего мозга, и даже через сотню лет я смогла бы воспроизвести его заново во всех подробностях с идеальной точностью.

Да, я знаю ответ. Но то, что я его знаю, совершенно не означает, что я готова делиться своими мыслями и чувствами в тот момент. Что готова открыть то, что было у меня на душе, открыть это кому угодно, даже Райану. А сейчас мы и вовсе были не одни. Поэтому я тарашусь на его ноги и молчу.

— Так почему? — упрямо повторяет он свой вопрос.

— Не хочу марать о него руки, — наконец отвечаю я полуправду. — Понаблюдала несколько дней за буднями техасской Барби и подумала, что было бы неплохо ее немного встряхнуть, а заодно и избавиться себя от грязной работы.

Он понимающе кивает, но левый уголок его губ едва заметно дергается в сторону, а серые глаза сужаются в недоверчивую щелочку. Но я делаю вид, что не замечаю этого и прохожу мимо него к входу в подвал. Он идет за мной.

Полумрак подвального помещения после яркого дневного света на некоторое время ослепляет меня, и я замедляю шаг, даже останавливаюсь. Но глаза быстро адаптируются к неполной темноте, и я начинаю различать богатую обстановку просторного бункера — мягкие диваны вдоль стен, высокие стеллажи по углам, многочисленные круглые, но негорящие, светильники на потолке и массивный бильярдный стол, который, по-видимому, ранее располагался по центру, а сейчас парни оттащили его к дальней стене. А на место американки поставили металлический стул с высокой спинкой, к которому за плечи и ноги был основательно привязан мальчик, которого я обманула и заманила красивой игрушкой. К

чести полученного им воспитания следует отметить, что мне понадобилось немало времени, чтобы познакомиться с ним и заслужить доверие, в итоге позволившее завлечь его в ловушку и положить начало осуществлению своего плана.

Больше месяца я занималась только им, поначалу не вступая в контакт и не проявляя к нему ни малейшего интереса, чтобы заранее не спугнуть, а когда решила, что достаточно ему примелькалась и уже не являюсь незнакомкой, подстроила "случайную" встречу в специализированном магазине видеоигр. Мы оба схватились за оставшуюся последней — для этого Полу пришлось незадолго до нашего появления у стенда с приставками для PlayStation забрать все остальные копии — коробку с недавно вышедшей новой версией Need for Speed. Сопровождавшая его в магазин Викки ждала брата возле кассы, увлеченно общаясь по телефону с подругой, и факт нашего знакомства и недолгий разговор двух единомышленников даже не заметила. Но на всякий случай в соседнем бутике околачивался красавчик Марк, готовый отвлекать на себя внимание блондинки. Он, кстати, немало расстроился, что в тот раз его обаяние не понадобилось.

Тогда и началась наша нежная, стремительно развивающаяся, дружба, что привела его сегодня в этот подвал. Все же родителей надо слушаться...

Я смотрю на подростка, он беспокойно спит, уронив голову на грудь и слегка накренившись вбок. Он до сих пор не упал со стула только благодаря удерживающим его веревкам, а не свалился вместе со стулом исключительно потому, что ножки его заметно расширились к низу, образуя геометрическую фигуру, подобную основанию Эйфелевой башни.

Подойдя ближе, я негромко говорю:

— Привет.

Роберт резко вскидывает голову, глаза его, устремленные на меня снизу вверх, горят нездоровым блеском.

Глава четвертая. KillWill

— И снова здорово, — радостно улыбаюсь я, когда передо мной распаивается массивная дверь. — Пригласишь в гости?

После секундного удивления, с которым она быстро справляется, хозяйка дома даже не пытается скрыть недовольство нежеланным вторжением, но все же не решается захлопнуть дверь перед моим носом. После совершенно очевидных внутренних колебаний Викки отходит в сторону и жестом предлагает мне войти. Пропев "спасибо", я переступаю через порог и замечаю, как она быстро оглядывает улицу за моей спиной. Но я знаю своих парней и абсолютно уверена, что она никого и ничего не увидит, и прячу довольную ухмылку.

Следуя за ней в гостиную, я, не таясь, разглядываю интерьер холла, каждая деталь которого тщательно продумана и буквально кричит о неслабом недостатке обитателей дома. И об их исключительном вкусе. Витающий в воздухе чуть сладковатый аромат слегка кружит голову, обстановка радует глаз, а то, насколько все гармонично, симметрично и стильно, неожиданно вызывает у меня саднящее чувство зависти. И, вопреки намерениям, я начинаю злиться.

Остановившись в центре ворсистого ковра приятного сливочного оттенка, на который я даже боюсь ступить и замираю в дюйме от него, Викки оборачивается и неожиданно предлагает:

— Что-нибудь хочешь? Кофе или виски?.. Или, может...

— Я не ем между едой. И не пью. И это не светский визит, — стерев с лица дурацкую дежурную улыбку, обрываю ее я.

Она тут же перестает играть в гостеприимную хозяйку дома и в защитном жесте скрещивает руки на груди.

— Слушаю.

Я удовлетворенно киваю.

— Ты уже определилась со временем убийства?

На миг в ее взгляде поселяется паника, а рот беспомощно приоткрывается, но к ее чести она возвращает себе контроль над эмоциями и осторожно произносит:

— Я работаю над этим.

— Вот и отлично, — не скуплюсь я на похвалу и без паузы заявляю: — Но что-то меня утомляет ожидание, и компания твоего братца изрядно меня утомила.

Как и я за минуту до этого, она тоже прячет улыбку.

— Да и ты, — продолжаю я, — думаю, проводишь не лучшее время в своей жизни. Поэтому предлагаю сократить подготовительный период. Завтра до полуночи Виктор Вайнштейн должен быть мертв.

— Как?.. — бормочет она в растерянности, мгновенно растеряв недавнее самообладание и гордость за младшего брата, сумевшего достать похитителей.

И я понимаю, что все правильно рассчитала — она не поверила в серьезность угрозы и, конечно же, не собиралась никого убивать. Она — как это, наверное, сделал бы и любой другой на ее месте — избрала тактику обманчивого сотрудничества со мной, чтобы потянуть время на поиск беспроектного выхода из предложенной ситуации. Наверняка она собиралась кинуться — если уже не кинулась — за помощью к отцу или все же обратиться в полицию, ну или в смежные органы. И мое новое условие пугает ей все карты. Запасного плана у нее не было. А зря...

— Я уже говорила, — морщусь я, демонстрируя недовольство тем, что вынуждена повторяться, — что ты вольна сама выбирать как. Способ значения не имеет, важен результат. Но если ты согласишься моего совета, то я бы посоветовала тебе прибегнуть к помощи пистолета. Кстати, я принесла тебе один, на всякий случай.

Сделав несколько шагов к угловому дивану в центре комнаты, я наклоняюсь к невысокому журнальному столику и опускаю на него новенькую беретту с полным магазином парабеллумов. Серебристый металл на удивление гармонично смотрится на стеклянной геометричной столешнице, рядом с невысокой вазой из разноцветного хрусталя, блики от которой бегают по стволу, заставляя его сверкать и переливаться.

— Но как, когда — до истечения завтрашнего дня, — исправляюсь я, — и чем, ты выбираешь сама. Я лишь хотела убедиться, что тебе доступны все возможные варианты.

Вмиг потемневшими и расширенными от страха глазами Викки, не отрываясь, смотрит на опасную игрушку. Мне становится любопытно, о чем она думает — вдруг ей придет в голову схватить пистолет и одним выстрелом решить все свои текущие проблемы.

Я тайно улыбаюсь своим мыслям. А вслух интересуюсь:

— Ты позволишь мне воспользоваться своим ноутбуком?

Пребывая в замешательстве, Викки не сразу понимает, о чем я ее прошу, но спустя несколько минут все же приносит мне белый МакБук и замирает рядом, встав боком к столу, чтобы не видеть пистолет. Я осуждающе хмыкаю: если она пацифистка, ей же хуже, придется искать другой инструмент для убийства. Но это ее проблема.

Присев на велюровый диван, я загружаю систему. Дождавшись полной загрузки, кликаю на голубой ярлык программы видеосвязи и добавляю новый, специально созданный час назад, контакт KillWill — низкий поклон Тарантино и тому приятному совпадению, что второе имя моего врага Уильям. Нажимаю кнопку видеовызова и жду соединения. Через несколько секунд на экране появляется темный квадрат, в котором ярким пятном выделяется силуэт Роберта. Я с удовлетворением отмечаю, что левая кисть у него перебинтована.

— Привет, Роберт, — щебечу я.

Он не реагирует на звук своего имени, и я беспокоюсь, не перестарались ли мы с демонстрацией серьезности наших намерений. Но потом вижу, что он дышит, глаза у него открыты, и он просто отводит их от камеры, игнорируя меня. Зато на имя брата реагирует Викки. Она вскрикивает и заглядывает в экран. Но я останавливаю ее, подняв ладонь в предупреждающем жесте. Она замирает, и с губ ее не срывается ни звука.

— Ты все еще злишься на меня, да? — спрашиваю я у Роберта, который по-прежнему не смотрит в мою сторону. — Ну же, парень, перестань обижаться. Ну как хочешь, — так и не дождавшись ответа, сдаюсь я. — Я просто подумала, что ты соскучился по сестре и захочешь поговорить с ней.

Я вижу, что его зацепило упоминание о сестре, вижу, как его голова дергается к камере, но он сдерживается и не поворачивает лицо, уже в столь юном возрасте проявляя чисто Вайнштейновское упрямство. Или же просто не верит мне, что неудивительно после нашей последней встречи.

Я перевожу взгляд на Викки.

— Поздоровайся с братом.

— Роберт, — охотно подчинившись приказу, тут же зовет она дрожащим голосом.

Мальчишка, вздрогнув, поворачивается к камере, и в точно таком же окошке на дисплее планшета Райана видит меня и волосы сестры. Я отодвигаюсь чуть вправо, впуская Викки в область обзора веб-камеры.

Она с жадностью вглядывается в лицо своего брата и беззвучно охает, заметив внушительного размера багровое пятно на лбу и подсохший кровавый след у виска слева. Глаза ее незамедлительно заполняются слезами сочувствия к младшему брату и ненависти к его обидчикам. Ко мне.

Она стискивает зубы и не отводит взгляда от разбухшей раны. Я тоже смотрю на нее, и вспоминаю, как этот избалованный сопляк плюет мне в лицо, когда я наклоняюсь к нему, чтобы убрать со лба налипшие завитушки волос, в свете прожектора отливающих медью.

И в следующую секунду, взбешенная его поступком, резким движением я выбрасываю вперед ногу и прямым ударом отправляю стул с надежно привязанным к нему Робертом к дальней стене подвала. На какое-то время он исчезает в крошечной тьме, но потом луч прожектора вновь заключает его в пляшущий овал света, и я вижу, что в полете стул перевернулся, и Роберт лежит лицом вниз. Возле его головы образовывается лужица крови, стремительно увеличивающаяся в размерах. Испугавшись, что убила его, я кидаюсь к парню и поднимаю его голову, но он зло дергает ею, избегая моего прикосновения. Гнев во мне разгорается с новой силой, и я резко выпрямляюсь. Краем глаза замечаю какое-то движение и едва уловимый запах алкоголя — Логан рывком поднимает стул с заложником и тянется к его лицу, чтобы вытереть обильную струю крови. Но я перехватываю его руку.

— Не трогай, — говорю жестко. — Пусть остается как есть.

Он не задает вопросов и снова исчезает в темноте. В подвале нас четверо, но тишина такая, что закладывает уши. Даже дыхания не слышно.

Прищуренными глазами я смотрю на Роберта, который высоко держит голову, стараясь за напускной храбростью скрыть свой страх. Но взгляд его мечется из стороны в сторону, а искусанные до крови губы мелко подрагивают. Ему всего десять лет, и без сомнений, ему сейчас очень страшно, как бы ни пытался он убедить меня в обратном. Он еще слишком мал для взрослых игр. Но когда-то мне тоже было десять лет, и даже меньше, я тоже была маленькой, и мне тоже было страшно. Поэтому меня не разжалобить фальшивой смелостью и дерзостью.

Сунув руку в карман, я с силой сжимаю рукоять отцовского ножа, бессовестно украденного у него несколько лет назад, и делаю шаг к Роберту. Он испуганно дергается и ударяется головой о стену...

— Викки, пожалуйста, не волнуйся за меня, — торопливо лопочет мальчуган, стремясь успокоить сестру. — Со мной все в порядке, правда.

— Да, малыш, — сквозь слезы улыбается блондинка, — все в порядке. Все будет хорошо. Ты ничего не бойся. Скоро ты будешь дома. Я обещаю.

— Я знаю, — уверенно говорит он, и как будто действительно в это верит.

Я прячу усмешку, в который раз дивясь чужой наивности.

— Я тоже очень надеюсь, что ты скоро будешь дома, Роберт, — произношу елейным голосом, интонационно выделив слова "очень надеюсь", при этом многозначительно глядя на Викки снизу вверх.

Ее потемневшие до цвета индиго глаза полыхают испепеляющей ненавистью, а идеальной формы губы презрительно кривятся. Но это она зря. Гнев — не лучший советчик. Я равнодушно отворачиваюсь.

— Это произойдет либо послезавтра утром, либо никогда, — объявляю я и безжалостно разъединяю сеанс видеосвязи.

— Роберт, — в панике выкрикивает Викки, но экран уже потух.

Ее брат исчез. И, возможно, навсегда. На самом деле без "возможно", но Викки пока знать об этом необязательно. Хотя если бы она уделяла больше внимания голливудским боевикам, то легко догадалась бы: тот факт, что я не скрываю своего лица ни от нее, ни от ее брата, не сулит им обоим ничего хорошего. Но она признавала лишь исторические фильмы ВВС и необременительные смыслом ромкомы, а из них не почерпнешь подобную полезную информацию. Что было мне только на руку.

В этот момент у меня в кармане вибрирует телефон. Вытащив его, я нажимаю на кнопку "ответить", успев отметить, что это звонок от Райана.

— К вам гости, — без предисловий говорит он и сразу отключается.

Убирая мобильник обратно в карман, я лихорадочно соображаю, кто бы это мог быть, не представляет ли этот незапланированный визит опасность, и мысленно ругаю своего парня за то, что он так скупно поделился информацией. Я открываю рот, чтобы дать Викки инструкции, как вести себя с гостем, но в этот момент входная дверь распаивается и кто-то входит в холл. У меня лишь секунда на принятие решения, лишь секунда на то, чтобы попытаться избежать нежеланной встречи, и я делаю выбор.левой рукой хватаю мирно лежащий передо мной пистолет и, не прицеливаясь, стреляю в дверной проем. В голове мелькают слова благодарности Джо за то, что научил меня одинаково точно стрелять с

обеих рук. Хлесткий звук выстрела сменяется глухим звуком падения тела и затем переходит в пронзительный визг. Вскочив на ноги, ударом локтя в лицо я вырубаю Викки, и визг обрывается. Сразу устремляюсь к распростертому на полу телу, но Райан появляется возле него чуть раньше. Он переворачивает мужчину, и мы оба узнаем в нем самого удачливого из многочисленной толпы поклонников дочери Виктора — Ларри с совершенно неподходящей ему фамилией Кинг. Значит, после небольшой интрижки с бетонным полом он все же очухался, но сюда он пришел зря. Не вовремя...

— Что за черт?! — сквозь зубы цедит Райан. — Ты соображаешь? Труп в центре города... Посреди дня!

— Я не знала, что это он, — оправдываюсь я громким шепотом. — Он вошел так неожиданно... я подумала... и выстрелила.

— Подумала она. Лучше б ты в себя выстрелила. "Неожиданно"... — передразнивает он зло. — Мы не в Гамильтоне, здесь у нас нет своих полицейских.

— Ты мог бы и сказать мне, кто это! — перехожу я из обороны в наступление. — И не было бы никаких трупов...

— Если б я знал, что ты устроишь пальбу... — он поднимает голову, смотрит на меня все еще укоризненно, но уже более спокойно, потом переводит взгляд в сторону, замечает неуклюже распластанную на диване Викки и тихо присвистывает: — Опа! Ее ты тоже замочила?!

Я раздраженно выпаливаю: — Проваливай! А то я и тебя замочу. И скажи Марку, чтобы убрали тут все.

— Разберусь, — фыркает он, выходя.

Я возвращаюсь к Викки и двумя ударами по щекам привожу ее в чувство. Ее взгляд тут же мечется в сторону холла, но спиной я загораживаю ей обзор.

— Не зыркай, — говорю грубо. — Ну вот, теперь ты, наконец, осознала, что я не шучу. Надеюсь, у тебя пропадет охота играть со мной в свои дилетантские игры. Ну а если ты все же продолжаешь наивно верить, что я неопасна, и что тебе удастся спасти их обоих, то вот тебе на память.

Я кидаю ей на колени голубую прямоугольную коробочку с таким же голубым бантиком и направляюсь к выходу. Аккуратно обходя голову Ларри, чтобы не наступить на кровь, стремительно растекающуюся по светлому ковру, я автоматически задерживаю дыхание, чтобы не потерять сознание — не самое удобное качество для человека моей профессии. Переступив через его ноги, я рывком тяну на себя дверь. Плотно закрыв ее, шагаю по вымощенной дорожке, а за спиной у меня раздается нечеловеческий вопль.

Впервые я испытываю сочувствие к Викки — мало приятного обнаружить в нарядной и на вид безобидной коробке палец ребенка, грубо отсоединенный от кисти его хозяина. Прежнего хозяина... Не знаю, можно ли определить одного по одному только пальцу, но судя по крику, Викки не сомневается, кому принадлежал этот окровавленный мизинец.

И правильно.

Уже у машины я оборачиваюсь и долгим взглядом смотрю на фешенебельный дом, в котором живет и радуется жизни дочь доктора Вайнштейна. Отнявшего у меня возможность жить в таком же доме, быть такой же — ну или почти такой же, — как она: утонченной, благородной, образованной. Быть может, у меня и не получилось бы всего этого, и леди из меня бы не вышло, но мне не позволили это выяснить. Кто-то решил, что я недостойна такого шанса.

Кто-то отдал мой шанс ей...

И кто-то должен за это ответить.

Глава пятая. Взгляд со стороны

Справившись с замком, я пинаю дверь и, ворвавшись в дом подобно смерчу, широкими шагами пересекаю холл. Внутри меня все кипит, злость рвется наружу, но я не даю ей выхода. Дверь за моей спиной тихо закрывается и раздаётся щелчок замка.

— Могу я спросить, из-за чего ты так бесишься? От твоего молчания у меня звенит в ушах, — нарочито небрежно изрекает Райан, хотя я видела, что в машине он едва сдерживался, чтобы не наорать на меня или не надавать пощечин.

За те годы, что мы вместе, он хорошо изучил меня, и знает, что чем дольше я держу в себе эмоции, тем мощнее будет извержение. И всегда старается предотвратить взрыв.

— Ты видел, как она живет? — выпаливаю я, резко разворачиваясь к нему.

— Я не рассматривал, что там внутри, — отвечает он без эмоций, мгновенно расслабившись. — А снаружи ничего особенного. Красивый особняк. Но и наш дом не хуже.

— Не хуже? — цежу я сквозь зубы, чтобы не сорваться на крик. — Да по сравнению с той роскошью, в которой живет и выросла она, мы с тобой обитаем в лачуге.

— Тебе видней, — он отворачивается, бросает ключи от машины на тумбу и идет в мою сторону.

Он по-прежнему раздражающе бесстрастен, в то время как я стремительно достигаю своего предела.

— И если бы ты не покупала одну кругую тачку за другой, мы могли бы позволить себе дом и получше.

— Ты обвиняешь меня в том, что я спускаю все деньги на дорогие машины?! — я едва не давлюсь собственными словами, не веря, что он на самом деле сказал это.

— Это ты обвиняешь меня в том, что наш дом недостаточно шикарен, — парирует он, садясь на диван и закидывая ноги на сложенные стопкой подушки.

— Извини, — с вызовом цежу я сквозь зубы.

Но он не замечает издевки и великодушно кивает.

— Извиняю.

Его невозмутимость бесит меня еще больше. Я вспоминаю, что мне никогда не удастся развести его на эмоции, никогда не удастся вывести его из себя. Мы две противоположности — полный штиль и девятибалльный шторм. Вечная мерзлота и экваториальный зной. Вулкан и айсберг. Он тушит меня, когда я разгораюсь, я завожу его, когда он едва не покрывается ледяной корочкой.

Наверное, поэтому мы так подходим друг другу.

Наверное, поэтому мы до сих пор вместе.

— Не знаю, что на тебя нашло, но я не вижу повода для истерики, — продолжает он, едва заметно пожав плечами. — Если тебе так приглянулся этот дом, мы можем купить такой же.

Я зло фыркаю.

— Да даже если мы купим пять таких домов, ни один из них и близко не будет похож на ее.

— Значит, мы купим ее дом. Со всей обстановкой и мебелью.

— Да плевать мне на обстановку и на мебель! — срываюсь я, но тут же пресекаю

вспышку гнева и делаю глубокий вдох.

Но никакие дыхательные упражнения не могут унять сжигающую меня изнутри зависть... и ревность. И всеобъемлющую обиду. И всепожирающую ненависть. Нестерпимую. Неконтролируемую. И постыдную.

Все эти месяцы, наблюдая за Викки и за Робертом, я заталкивала ненависть в самые дальние уголки своего сознания, фанатично воспитывая в себе хладнокровие, потому что месть не свершается на горячую голову, и все же... И все же сейчас я проигрываю этот раунд.

— Ты не понимаешь, — делая над собой усилие, говорю я спокойнее и значительно тише. — Дело вовсе не в доме, и не в его стоимости. И даже не в районе. Это что-то нематериальное. Идеальность дома Викки заключается не в мастерстве дизайнера и не в вычурности обстановки, а в исключительности его хозяйки. Аристократическое воспитание, изящные манеры, безупречный вкус. Ее утонченность, изысканность, галантность, элегантность, лоск... — у меня заканчиваются эпитеты, и я на время замолкаю. — Это не покупается... И этому нельзя научиться. У нее это в крови.

— Ахаа... — задумчиво тянет он и, после очень долгой паузы, посмотрев на меня тяжелым взглядом прозрачно-серых глаз, спрашивает. — А что не так с твоей наследственностью?

— Что? — не понимаю я.

Он поднимается с дивана и встает передо мной, засовывая руки в карманы джинсов.

— Ты говоришь, что у нее это в крови. А твоя кровь чем хуже? Твоя мать из знатного английского рода... Твой прадед, кажется был генералом, рыцарем какого-то ордена?

Я киваю.

— Орден Британской Империи.

— А у нее кто? Славянка-голодранка?

— Она русская, — машинально поправляю я.

— Неважно, — отмахивается он. — А отец и...

— Он мне не отец! — я грубо обрываю его. — У меня нет отца. И мать моя умерла.

— Теперь ты обвиняешь меня в том, что ты сирота?!

Молниеносным движением я выхватываю из-за пояса безотказный Glock и целюсь ему в голову.

— Осторожнее, Райан Эттлин. Не ступай на опасную дорожку, — я вновь спокойна и хладнокровна.

Ненависть к биологическому отцу, что давно стала частью моей личности, что на протяжении многих лет, с самого детства, формировала мой характер и была моей движущей и поступательной силой, окутывает меня и замораживает все остальные эмоции: и зависть, и злость, и обиду, и ярость. Как всегда. Стоит мне подумать о нем, как я становлюсь сухой, безэмоциональной, почти неживой. Этому я научилась.

Девятимиллиметровое дуло пистолета все еще нацелено на Райана, но ни один мускул не дрогнул на его безмятежном лице, ни одна ресничка не всколыхнулась, не изменилось и выражение глаз. Он по-прежнему смотрит на меня в упор, и я пасую перед его открытым взглядом. Опускаю пистолет и бормочу слова извинения. Снова.

— Заканчивай этот цирк. Убей их всех, как собиралась, и покончим с этим, — жестко говорит он. — Я хочу вернуть себе свою Кристину. Ту, что встретил подростком в грязной подворотне на окраине Гамильтона. Ту, что стреляла лучше нас всех, ту, которая была

безрассудно бесстрашной и умела улыбаться, как никто и никогда. Я давно уже не видел твоей улыбки. С тех пор как мы переехали в этот гребаный город, ты сама не своя. Ты стала жестче, безжалостней, в погоне за отмщением ты перестала ценить человеческую жизнь. Да, мы тоже не ангелы, но криминальный бизнес не бывает без жертв, это не мы придумали. И все эти люди знают, на что идут. А сколько уже невинных людей погибли по твоей вине, по идиотской прихоти? Просто так... Сколько еще их будет?! Хватит, Кристина. Мне осточертела твоя вендетта и достали твои истерики. Эти люди причинили тебе боль, так уничтожь их, и валим отсюда.

Он смотрит на меня долгим пронизывающим взглядом, словно пытается понять, дошел ли до меня смысл его слов. Я медленно киваю, и он быстрыми шагами выходит из комнаты и взбегает по лестнице на второй этаж. А я остаюсь стоять посреди гостиной, оглушенная и раздавленная. Только что мне представился шанс взглянуть на себя со стороны. И мне определенно не нравится то, что я в себе увидела...

Его обвинение "сколько уже невинных людей погибли по твоей вине?" стучит у меня в голове. Я вспоминаю двух слуг, сгоревших в загородном доме Вайнштейнов, который я подожгла собственными руками. Застреленный мной охранник в служебном помещении Фонда. Шестилетняя девочка, на которую наехал Виктор на своем джипе, с тормозами которого я тоже поколдовала собственноручно. Она выжила, но на всю жизнь останется инвалидом. А в фитнес-клубе никто не пострадал только потому, что полиция вовремя обезвредила бомбу. Список жертв был бы внушительным.

И все ради чего?!

Сделав шаг, я без сил опускаюсь на диван и, откинув голову на спинку, невидящим взглядом таращусь в потолок.

Ну и что ты будешь делать, Кристина?..

Глава шестая. По праву рождения...

Остановившись перед съездом к хорошо знакомому белоснежному дому, я заглушаю мотор Мерседеса и какое-то время сижу в тишине. Решение приехать сюда было спонтанным, и я все еще не могу решиться.

Минут десять я не двигаюсь и ни о чем не думаю, тупо пялясь на потухшую приборную панель, но потом все же заставляю себя выйти из машины, бесшумно закрываю дверь и шагаю к крыльцу стилизованного под старинную усадьбу дома. Без труда проникаю внутрь его через небольшое прямоугольное окошко цокольного этажа, выходящее на задний двор, и уже через минуту вхожу в холл через потайную дверь — со стороны первого этажа найти ее непросто. Время уже далеко за полночь и я сразу поднимаюсь наверх, полагая, что застаю хозяйку дома в ее спальне. Вряд ли она спит, но и находиться внизу для нее сейчас невозможно. Правда, в прихожей уже никаких следов вечернего инцидента, даже пропитавшийся кровью ковер успели заменить на новый, но ей это наверняка служит слабым утешением.

Я отворяю дверь в спальню — на втором этаже их несколько, но после месяцев слежки я точно знаю, какая мне нужна, — и осторожно вхожу. Викки действительно не спит и реагирует на мое нахальное вторжение почти спокойно.

— Пришла еще кого-нибудь пристрелить? — спрашивает с издевкой, хотя голос не повышает.

— Я подумала, — отвечаю я, игнорируя нетеплый прием, — что тебе будет легче

принять решение и понять мои мотивы, если я расскажу тебе правду. Мою правду.

Она смотрит на меня одновременно и с интересом, и с сомнением. Но сомнения во взгляде, конечно, несравнимо больше. И это нормально — я тоже сильно сомневалась, что существуют причины, которые, будь я на ее месте, будь я любимой дочерью добропорядочного отца, могли бы убедить меня, что он достоин смерти. Но и ее интерес я тоже понимала — знать, чем же отец заслужил такую ненависть совершенно чужой девушки, и любопытно, и может быть полезно. Вдруг узнав причину, ей удастся решить мою проблему и спасти отца.

Но мою проблему невозможно решить. Уже невозможно.

— Сколько тебе лет, Викки? — резко спрашиваю я, прерывая свое мысленное лиричное отступление.

— Девятнадцать, — отвечает она растерянно, не ожидая вопроса из разряда анкетных.

— Аха. Через месяц исполнится двадцать, — "если доживешь", добавляю я мысленно, хотя и сама уже в это не верю, и спешу ответить на ее немой вопрос, не сумев погасить раздражение в голосе. — Нечего удивляться. Я была бы дурой, если бы затеяла все это, не изучив вас, ваш уклад жизни, круг общения и прочее...

Она явно смущена своей наивностью.

— Я знаю о тебе абсолютно все, вплоть до того, какой степени прожарки стейк ты любишь. И да, в каком виде предпочитаешь яйца, — добавляю, верно расценив ее реакцию на мои слова.

Я тоже смотрела этот фильм.

— Я все про тебя знаю, — повторяю я, подходя ближе и склоняясь над ней. — А вот ты знаешь, что вы с Робертом не единственные дети доброго доктора Вайнштейна?

Такого поворота она не ждет, и мой вопрос оказывает на нее влияние, схожее с действием глобального похолодания. Ее глаза моментально стекленеют, и она задерживает дыхание, словно боится обморозить — или, напротив, обжечь — легкие. Взгляд ее глаз полыхает недоверием и пронзает меня насквозь, будто желая прочесть по мне, правда то, что я говорю, или ложь.

— Ты врешь, — наконец выпаливает она, не разжимая зубов.

— Если бы, — шепчу я с горечью и опускаюсь на кровать рядом со своей единокровной сестрой, которую хочу сделать орудием мести нашему отцу за то, что он сделал со мной — с нами — сразу после рождения.

Я никогда не собиралась делать этого, не планировала рассказывать ей свою историю. Я и гораздо более близким мне людям не открывала всей правды о себе, и мои парни, хотя некоторые из них были мне почти как братья, вели сейчас эту затяжную войну бок о бок со мной, не зная истинных причин. Но после неприятной правды от Райана, после не менее неприятного разговора с самой собой, эта мысль неожиданно созрела во мне и уже не отпустила.

И тем не менее это дается мне нелегко. Я пришла сюда ночью с конкретной целью, но все же не могу подобрать слов. Не знаю, с чего начать и как донести до нее все, что мне пришлось пережить по вине Виктора. То, за что я так жажду его смерти.

— Мы видимся уже не в первый раз, но я так ни разу и не представилась тебе. Меня зовут Кристина Рейн. Но на самом деле я девочка без имени. Кристиной меня называли в сиротском приюте, куда меня и моего брата-близнеца привезли сразу из родильного отделения Северо-западного мемориального госпиталя. У нас не было ни имен, ни фамилии.

Наша мать Амелия Платт умерла при родах из-за обширного внутреннего кровотечения. А наш отец... Нам говорили, что отца у нас не было. Вот так вот необычно — у всех есть, а у нас не было. И сразу после госпиталя мы оказались в приюте. Мне дали имя Кристина — медсестра, что передала нас на попечение приюта, была яркой католичкой и дала мне имя Иисуса, считая, что он защитит меня и убережет от... — я обрываю фразу и криво улыбаюсь. — А брата называли Коннором — старший сын директора приюта был помешан на вышедшем в том году втором фильме серии "Горец".

— Роберт тоже любит эти фильмы, — слабо улыбается Викки.

— Да, как и все парни. Но я никогда не узнаю, полюбил бы их Коннор или нет. Когда нам было по четыре с половиной года, он умер от воспаления легких, так и не дождавшись, когда нас заберут приемные родители. Мы шли на усыновление вместе, а немногие потенциальные родители хотят сразу двоих детей. После его смерти мои шансы резко возросли... — зло усмехаюсь я. — И меня удочерила семья полицейского из Канады Джо Рейна. Они с женой не хотели, чтобы биологические родители их приемного ребенка когда-нибудь явились к ним на порог. Поэтому искали подальше от Канады и непременно сироту. И нашли меня... Так у меня появилась фамилия. А на надгробном камне Коннора значится фамилия МакЛауд3...

Я приподнимаю голову и смотрю на Викки. Ее большие глаза невероятной синевы блестят от застывших в них слез. Она плачет от жалости ко мне. Она меня жалеет...

Еще несколько часов назад мысль об этом вызвала бы во мне вспышку ярости, а сейчас меня это не трогает. Я продолжаю свой монолог, спеша выговориться, пока не передумала.

— Я совсем его не помню. Каким он был, как выглядел. Знаю, что мы были очень похожи, оно и понятно, но никакие детали в памяти не сохранились... И все равно я очень скучаю по нему. Джо и Анна были хорошими родителями, они заботились обо мне, о моем воспитании и образовании, но они не умели любить. Или проявлять свою любовь. Я прожила у них больше десяти лет, но не чувствовала себя частью их семьи. Так я думала раньше, а теперь я понимаю, что проблема была не в них, а во мне. Это не они не умели любить, а я. Выбирая меня, они отталкивались от нескольких важных для них параметров, но не учли одного — чудовищной наследственности.

Я вновь ненадолго замолкаю и смотрю в пол. Но не позволяю себе затягивать паузу.

— Через несколько лет они развелись, и Анна уехала из Стратфорда4, оставив меня с Джо. Скупой на эмоции офицер полиции имел свое представление о том, какой должна быть девочка, и растил из меня солдата — учил боксу и рукопашному бою, водил на восточные единоборства, часами гонял меня по стадиону и едва ли не запирали в тире, изнуряя стрелковыми упражнениями. Когда мне исполнилось десять, я спросила у него, знает ли он моих настоящих родителей, знает ли, почему я оказалась в приюте. И он рассказал про смерть матери, но он ничего не знал об отце, как будто его действительно не существовало.

Я замолкаю на секунду, чтобы перевести дыхание. Слышу, как тихонько, сдавленно всхлипывает Викки, тыльной стороной ладоней стирая потоком стекающие слезы. Она делает это почти с той же частотой, с какой в сильный дождь движутся по ветровому стеклу щетки-дворники. В другой раз это непременно вызвало бы у меня приступ смеха, но сейчас внутри у меня пустота. Не сосущая, не вакуумная, а самая обычная — пустая пустота.

Глядя на рыдающую Викки, я думаю, что это я должна бы плакать сейчас, но мне не хочется. Нет ни слез, ни сожалений, даже ненависти и той нет. Ничего...

— Тогда же я попросила Джо узнать для меня, кто были моими родителями, но никто в приюте этого не знал. И я решила, что обязательно найду отца. Найду, чего бы мне это ни стоило и спрошу у него, почему после смерти мамы он не пришел за нами. Почему бросил ее одну. Почему никогда нас не искал. Почему...

Я обрываю сама себя, потому что знаю, что список вопросов, начинающихся с "почему" бесконечен, что стоит мне только начать, и остановиться будет трудно. Но Викки — не тот человек, которому стоит их задавать, она не сможет ответить. Да и не должна. Дети не отвечают за своих отцов.

— И пусть я еще не знала причин, по которым наш отец просто исчез, оставив нас, я его ненавидела. Ненавидела за маму, ненавидела за брата, ненавидела, что за все эти годы он не попытался меня найти, что ни разу не вспомнил обо мне. А в Штатах ведь нет тайны усыновления, и при желании сделать это было бы нетрудно... — сделав глубокий вдох, я продолжаю: — И в четырнадцать я ушла от Джо. Ушла, чтобы начать поиски отца. Джо хоть и офицер полиции, но вряд ли смог бы мне помочь, да мне и просить было неудобно. Только потом я узнаю, что он пытался сделать это для меня, но тогда я просто сбежала. Добралась до Гамильтона, где скиталась по подвалам и трущобам, пока не встретила Райана. Он привел меня в свою компанию таких же, как и он, "неблагополучных подростков". У кого-то, как и у меня, не было родителей, у кого-то не ладилась с ними отношения, кто-то просто бунтовал или же, напротив, ловил кайф от такой жизни. В группе были только парни и лишь одна девушка. Все они были старше меня, лишь одному из парней еще не было тринадцати. Чтобы как-то жить, они угоняли тачки, промышляли мелким разбоем, воровали в магазинах и на заправках. Мои навыки могли им пригодиться, и меня оставили. Райан научил меня водить машину, Дилан — разбирать ее на части и вновь собирать, Логан показал, как незаметно обчистить карманы прохожих, а Джулия пыталась пробудить во мне женственность. Но у нее не получилось, — я снова криво улыбаюсь.

Притихшая Викки тоже растягивает губы в жалком подобии улыбки, и некоторое время мы сидим в тишине.

— Пару лет мы здорово проводили время. Ну знаешь, постоянное нарушение закона и безнаказанность дают ощущение вседозволенности. Ты чувствуешь себя неуловимым, крутым и всемогущим. Эти ощущения опьяняют, ты пребываешь в эйфории. Кайфуешь от того, что ты в кругу друзей, что все у вас получается, такая жизнь — просто мечта для любого подростка: опасность, приключения, вечеринки... Секс, наркотики и рок-н-ролл.

Викки понимающе и даже как будто одобрительно кивает. Но меня это не удивляет. Не теперь.

— Но мне всего этого недостаточно. Мелким хулиганством много денег не заработаешь, а мне для достижения моей цели нужно было именно много, очень много денег. Чтобы нанять первоклассного детектива, который сумеет найти моего биологического отца. Чтобы спросить с него за все, чтобы отомстить за маму и за брата, и за себя, — повторяю я уже в который раз.

А сколько раз я твердила это как мантру за все эти годы. Но мне пора заканчивать свою исповедь. За окном уже начинает светать. День, которого я ждала так долго, уже просыпается. Вот-вот он окончательно откроет глаза, и я должна быть готова.

— Вскоре мы начинаем действовать с бóльшим размахом и, как в компьютерной игре, переходим на другой уровень — из группы подростков становимся организованной преступной бандой. Это было нелегко, но я не стану углубляться в подробности. И без того

понятно, что наше восхождение на более высокую ступень преступного мира не обошлось без жертв, что мы взбирались по трупам, но еще Джо научил меня, что в достижении цели все средства хороши. А цель у меня была... И я ее достигла.

Я вновь поднимаю взгляд на Викки, и когда наши глаза встречаются, она судорожно сглатывает, а ее подрагивающие пальцы начинают нервно тереть одеяло.

— Четыре года и сотню тысяч долларов спустя, я узнала, что после смерти мамы при родах отец отказался от нас, обвинив в убийстве любимой жены. Он ни разу не навестил нас в госпитале, не интересовался нами. А когда одна из медсестер после выписки привезла нас к его дому, он даже не впустил ее внутрь, сказав, что его дети умерли вместе с женой и похоронены на кладбище ее семьи в графстве Чешир. Это в Англии, — зачем-то поясняю я. — Никаких документов о том, что мы его дети, у сестры, конечно же, не было, их никто не оформлял. И ей ничего не оставалось, как отнести нас в приют. Она была шокирована его жестокостью, но наш отец был уважаемым доктором и очень влиятельным человеком в Далласе. Поэтому она скрыла его имя, сказав в приюте, что перед смертью роженица не назвала имя отца детей. Назвала она его только мне, когда я пришла к ней чуть больше года назад. Мне даже не пришлось представляться, она сразу обратилась ко мне по имени, по ее словам, я точная копия своей матери. На мой вопрос об отце она дала мне вырезку из газеты за восемьдесят седьмой год, где на странице светской хроники была размещена статья о свадьбе молодого и талантливого нейрохирурга с внучкой британского военного генерала⁵.

Сунув руку в карман куртки, медленно я достаю из него сложенный вдвое газетный листок, расправляю его на коленке, и протягиваю Викки. Она не смотрит на пожелтевшую и истончившуюся бумагу, умоляющим взглядом она цепляется за мой безжизненный и мелко-мелко покачивает головой. Покачивает минуту, две, из больших глаз вновь катятся крупные слезы, но когда я убираю руку с вырезкой с намерением вернуть ее в карман, она выхватывает ее у меня. Крепко держит между пальцами, но посмотреть все же не решается. Потом делает глубокий вдох и, резко перевернув листок, тут же подносит руку ко рту, чтобы сдержать крик.

— Выйдя замуж за Виктора, моя мать стала носить фамилию Вайнштейн. И мы тоже должны были быть Вайнштейнами, но добрый доктор распорядился иначе. Он просто выкинул нас из своей жизни, выплеснув на нас свою злость на судьбу. Говорят, потеряв Амелию, он очень страдал и даже пытался покончить с собой. Но у него не вышло. И я знаю почему — чтобы у меня была возможность сделать это самой. Он должен ответить за свою жестокость по отношению ко мне и Коннору. Такое не прощают. И я приехала сюда около года назад, чтобы просто пустить ему пулю в лоб. Я не хотела ни говорить с ним, ни слушать его оправданий, хотя, наверное, его горе можно понять. Горе — да, но не отказ от собственных детей. А когда я нашла его и узнала, что у него новая семья... другие дети... Мальчик и девочка. И что ты младше меня меньше чем на четыре года... Как же мало понадобилось ему времени, чтобы все забыть. Чтобы все пережить и начать жизнь заново. Просто избавившись от нас, просто вычеркнув из памяти, что мы где-то есть и нуждаемся в нем...

Даже сейчас в моем голосе нет эмоций. Все перегорело, все вымерзло. Я освежена и выпотрошена. И больше ничего не хочу. Только чтобы он сдох.

Я поднимаюсь.

— Я разрываю нашу сделку, Викки. И прошу у тебя прощения за то, что, узнав о вас с маленьким Робертом, возненавидела и вас тоже. Я испытала зависть и ревность за то, что вы

заняли наше место. За то, что вам досталась вся та любовь, которой Виктор лишил нас. За то, что у вас была семья. Я должна была мстить только ему, но если бы я могла тогда рассуждать здраво... Я захотела, чтобы Виктор умер от руки не той дочери, о которой он даже не знает, а той, что вырастил, той, что любил, той, что гордился. Это было бы больнее. Вот зачем я пришла к тебе. Это был дурацкий план, признаю, и обещаю, что больше тебя не побеспокою. Роберта привезут в течение часа.

Кивнув напоследок, я направляюсь к выходу, на ходу доставая телефон, но у самой двери спальни останавливаюсь, услышав жалобное "Не уходи!"

Но я не могу остаться. И не хочу. Мы хоть и сестры, но все же чужие друг другу люди, и после всего, что случилось, уже никогда не сможем подружиться. Виктор Вайнштейн навсегда развел нас, лишив меня и этой возможности иметь семью.

Моя семья — это Райан и ребята.

А здесь у меня осталось всего одно незавершенное дело. И я должна завершить его сама. Это мой эксклюзив. Мое единственное наследство.

По праву рождения.

Глава седьмая. Принцип талиона

Запрыгнув в машину, я звоню Райану и прошу его привезти Роберта к Викки.

— И извинись перед ним за меня. Ладно?

Он понимает все без слов. Как всегда. И сделает все как надо.

— А ты?.. Справишься? — все же спрашивает он.

— Скоро увидимся, — говорю я вместо ответа и нажимаю на отбой, одновременно до отказа выжимая педаль газа.

Кичерер послушно рвет с места, разбрызгав вокруг себя мелкие камни гравия. По почти пустынным в столь ранний час дорогам покидаю Беверли Драйв, и движусь на юг, в район Тертл Крик, в дом с бассейном во внутреннем дворе, где, конечно же, меня никто не ждет. Но я и не нуждаюсь в приглашении. Это дом моей матери, а значит, и мой тоже.

Жена Виктора Коринна после неудавшегося теракта в ее фитнес-центре скоропостижно улетела в Европу, и я рассчитывала застать его одного. В случайных связях мой папаша за время слежки замечен не был. Да и куда ему — грехов на нем и так более чем достаточно.

Свернув на Конгресс-авеню, я паркуюсь у крайнего дома и пешком иду к невысокому, увитому зеленью, особняку из кирпича благородного кораллового цвета, зорко поглядывая по сторонам, хотя ни в одном из стоящих на приличном отдалении друг от друга дворцов свет уже не горит. Подойдя к дому справа, легко перемахиваю через кованый забор и, коснувшись ногами стриженного газона, по привычке сую руку за спину, проверяя, на месте ли верный глок. Проходя по лужайке, предусмотрительно держусь в тени высоких и плотно растущих туй. Беспрепятственно вхожу внутрь особняка через стеклянную дверь, ведущую на веранду, и еще через пару минут оказываюсь под дверью хозяйской спальни. Взявшись за ручку, на миг замираю, зажмурившись, и осторожно нажимаю вниз.

Бесшумно войдя в комнату, я продолжаю действовать собранно и деловито — ни одного ненужного шага, ни одного лишнего жеста, все движения выверены и отработаны — так, будто готовлюсь к прыжку с парашютом, а не к умерщвлению собственного отца. Впрочем, мой послужной список убийств куда внушительнее количества свершенных прыжков. Мысленно я обещаю себе это исправить. Но эта мимолетная мысль во мне не задерживается, не заставляет сбиться с настрое и ритма.

Замерев возле кровати, я отвинчиваю крышку на позаимствованной на первом этаже бутылки с жидкостью для розжига камина, аккуратно сбрызгиваю ей пижаму Виктора и шелковую простынь, которой он наполовину укрыт, и обильно поливаю постель вокруг него. Он не просыпается, для человека с нечистой совестью сон у него на удивление крепкий, что не может меня не радовать.

Подождав, пока жидкость хорошо впитается в материал, я, уже не таясь, выплескиваю остатки жидкости в лицо Виктору, а свободной рукой достаю из кармана газовую зажигалку — оставшуюся со времен, когда я была заядлой курильщицей. Он моментально вздрагивает и, наконец, открывает глаза. Но поначалу невидяще смотрит перед собой, безмятежно моргая, потом переводит взгляд в окно, видит, что еще недостаточно светло и морщится, не понимая, что же его разбудило.

Очень быстро эта немая сцена мне надоедает.

— Ну здравствуй, Виктор, — громко говорю я, привлекая к себе его внимание, и резко щелкаю крышкой зажигалки.

Свет от нее освещает мое лицо, и, наблюдая за ним, дернувшемся от неожиданности, я зло радуюсь произведенному эффекту: старое газетное фото не обмануло — я действительно очень похожа на свою мать. По-бабьи ахнув, он таращит на меня полные ужаса глаза и подскакивает на кровати, неуклюже кутаясь в мокрую простыню.

— Амелия, — бормочет он жалобно, не сводя с меня воспаленных глаз.

— Я не Амелия, — цежу презрительно и подношу зажигалку к простыне.

Она вспыхивает как факел, пламя мгновенно разгорается, переползает на пижаму и распространяется по кровати. Я инстинктивно отступаю.

Какую-то крохотную долю секунды он еще смотрит на меня, не реагируя на огонь, поступательно охватывающий все его тело и подбирающийся к лицу.

— Кристина... — говорит он тихо, зачем-то пытаюсь улыбнуться.

И... и я начинаю визжать за миг до него. Наши крики сливаются воедино — его нечеловеческий вопль от нестерпимой боли и мой крик отчаяния.

Я визжу, но шок от того, что он произнес мое имя, на какое-то время меня парализует. Я стою, будто меня пригвоздили к полу, и немигающим взглядом таращусь на уже полыхающую кровать. В висках набатом стучит мысль о том, что ему известно мое имя. Виктор Вайнштейн, отказавшийся от меня с самого рождения и никогда не интересовавшийся мной, не только узнал во мне свою дочь, но и назвал меня по имени.

По имени, которое мне дал не он!

Оглушенная и ослепшая, я даже не замечаю, что огонь, вдоволь нарезвившись в постели Виктора, уже перекинулся на стены и спустился на ворсистый ковер. Пожирая его миллиметр за миллиметром, он стремительно подбирается к подошвам моих кроссовок, когда сквозь крики я слышу звон стекла. Оборачиваюсь на звук и вижу мечущегося в безумном припадке Виктора, который только что снес туалетный столик с огромным зеркалом. Я понимаю, что он ищет выход и, подбежав к двери, не задумываясь, распахиваю ее. И в тот же миг в спальню врывается поток свежего воздуха, принесший с собой и новую порцию кислорода... Пламя вспыхивает с новой силой, Виктор кричит еще пронзительнее, и от его голоса у меня в жилах леденеет кровь.

Ничего не соображая, задыхаясь от продуктов горения в воздухе, я бросаюсь к нему, но он, сбив меня с ног, в панике устремляется к выходу. Я тут же вскакиваю и бегу за ним к лестнице, не обращая внимания на то, что одна штанина джинсов опасно тлеет, а

синтетические подошвы плавятся от резкого скачка температуры. Виктор впереди меня скулит и воеет, как раненый зверь, и слепо тычется в стены, стремясь убежать от боли, тем самым делая себе только хуже — активные движения увеличивают приток кислорода и питают огонь.

Внезапно вспоминая скаутские уроки Джо, я сшибаю Виктора с ног и пытаюсь накрыть его ковровой дорожкой, но он катается по полу, сбрасывая ее с себя. Тогда я кидаюсь к окну, сдергиваю с него плотную портьеру и, накинув ее сверху, хлопаю по ней руками, выбивая воздух — только так можно потушить пламя. Резкий, невыносимый запах горелого мяса и паленой кожи душит меня и разъедает глаза, но я с остервенением продолжаю хлопать по темно-бордовой ткани, даже не замечая, что реву в голос. Огонь не сдается и кое-где успевает прожечь портьеру насквозь, но я закрываю дыры руками. Кожа на них сильно обгорела, но я не чувствую боли. Я ничего не чувствую и ничего не замечаю, пока вдруг не ощущаю чьи-то руки, оттаскивающие меня от истерзанного пламенем тела, и не слышу чей-то голос, зовущий меня по имени. Я бьюсь в истерике, отчаянно сопротивляюсь, кричу... и только тогда понимаю, что кричу только я. Стенания Виктора становятся все тише, пока не стихают совсем.

— Тише, Кристина, тише, — шепчет мне на ухо Райан, убаюкивая и успокаивая.

Не обращая внимания на боль, я прижимаюсь к нему спиной, но он внезапно отстраняется. Обожженная кожа на правой ладони вдруг чувствует прохладу, я опускаю взгляд и вижу, что Эттли вставляет мне в руку рукоять пистолета.

— Давай, Кристина, ты должна, — говорит он и помогает мне подняться.

— Он... — с трудом выдавливаю я из себя.

— Он без сознания, гореть он будет еще долго, — отводя взгляд, отвечает Райан и отпускает мою руку.

Я сглатываю и делаю шаг. Встаю над ним, направляю дуло пистолета ему в голову и взвожу курок.

— Прощай, отец, — шепчу одними губами и, закрыв глаза, нажимаю на спусковой крючок.

Все, что происходит дальше, я вижу, как в тумане. Райан отводит меня вниз и оставляет на диване. Мимо меня мельтешат Марк и Диллан, проносятся с канистрами Пол и Тайлер. Логан тащит что-то тяжелое. Я думаю об огне, бушующем в спальне, и вяло удивляюсь тому, что мне не слышно, как он уничтожает все на втором этаже, и только тогда вспоминаю, как, выбегая вслед за Виктором, машинально закрыла за собой дверь, что на время локализовало пожар.

Потом Райан хватается за руку, рывком поднимает с дивана и поспешно тащит к выходу. Я успеваю лишь увидеть факелы в руках Пола и Диллана, и оказываюсь на залитой неярким утренним солнцем улице. Эттли перекидывает меня через забор, и мы идем к моей машине.

Краем глаза я замечаю какое-то движение, оборачиваюсь и вижу на другой стороне улицы в тонированном купе заплаканное лицо Викки. Она смотрит прямо на меня, и в ее взгляде, кроме осуждения, читаются только сочувствие и непередаваемая боль. Ни гнева, ни ненависти. Я заглядываю в себя и понимаю, что испытываю то же самое.

— Кристина, — слышу я обеспокоенный голос Райана, оборачиваюсь к нему с вымученной улыбкой на губах и, как подкошенная, валюсь на землю. — Кристина!..

Эпилог

— Тебе письмо. Из Далласа.

Райан входит в столовую нашего нового дома в Гамильтоне и кладет большой пластиковый конверт на длинный обеденный стол.

Сразу перестав нанизывать петельки дневных штор нежно оливкового цвета на крючки потолочной гардины, я разворачиваюсь и смотрю на него вопросительно. Но взгляд его бесстрастен. Он кивает мне на конверт и выходит, оставляя меня одну.

На некоторое время я застываю в нерешительности — меня гложет понятное любопытство, но с другой стороны, мне страшно открывать этот конверт. С некоторых пор я боюсь любых упоминаний о Далласе. Если натыкаюсь на репортаж в новостях, тут же переключаю канал телевизора. Я сторонюсь даже фильмов, действия в которых разворачивается в Далласе. Воспоминания о почти годе, проведенном там, навсегда останутся в моей памяти как о худшем времени в моей жизни. Этот как дети, что боятся покойников и все, что с ними связано, а особенно кладбищ и призраков. Вот так и Даллас — он был моим личным кладбищем. Там покоилась вся моя семья. Моя мама Амелия. Мой родной брат. Мой отец...

Я понимаю реакцию Райана — та поездка в Даллас едва не разрушило нашу жизнь. После возвращения мы ни разу не вспоминали о том, что там произошло. Мы ни разу не заговаривали ни об убийстве, ни о полицейском расследовании, которого было не избежать, ни о Викки и Роберте, знающих, кто убийца. Не сговариваясь, мы сделали эту тему запретной, наложили на нее табу. И сегодня первый раз, когда Райан нарушил этот обет молчания.

И все же я не справляюсь с этим безотчетным страхом и трусливо возвращаюсь к прерванной работе. Продолжаю надевать петлю за петлей, но с каждым следующим движением двигаюсь все медленнее, все неспешнее, все тише. Если первую штору я повесила за три минуты, то на эту у меня уходит едва ли не больше пятнадцати, и тем не менее, мне кажется, что я закончила слишком быстро. Так же неторопливо я привязываю декоративные ленты, отхожу, критически смотрю на них. Потом расплетаю и завязываю вновь. И так раз за разом. Но когда проходит еще пятнадцать минут, я понимаю, что веду себя глупо, оттягивая момент вскрытия конверта. Спрыгиваю с табурета и иду к столу. Опускаюсь на стул с высокой спинкой и расстегиваю молнию конверта.

Первой лежит официальная бумага с печатью и гербом штата Техас — Свидетельство о признании отцовства. Окаменевшая от испытанного шока, я невидящим взглядом шарю по листу. Читаю сухой текст, изобилующий юридическими терминами, и ничего не понимаю. Откладывая этот документ и хватаю следующий. Фирменный бланк частной адвокатской конторы. И опять специфическая терминология, сложные словесные конструкции, и пребывая в состоянии полной прострации, я не в силах разобрать ни слова. Эту бумагу я тоже отодвигаю и вытряхиваю из конверта сложенный вдвое тетрадный листок, исписанный красивым округлым почерком. Я разворачиваю его и начинаю читать.

"Кристина,
Сестра Кристина" ...

Вмиг мое зрение затуманивается, и я чувствую, что глаза застилают непрошеные слезы

— никто и никогда так меня не называл. Коннор ушел от меня, когда мы были еще слишком малы, а в приюте из-за недостатка внимания дети поздно начинают говорить. И слова "сестра" в его словаре не было.

Крепко зажмурившись, я выдавливаю слезы, мешающие мне продолжать читать, и возвращаюсь к письму:

"После похорон папы в сейфе в его кабинете я нашла документы об установлении отцовства. На тебя и... на Коннора. Не знаю, как ему это удалось, сомневаюсь, что в законодательстве существует процедура посмертного установления отцовства, но документ перед тобой, и нет причины ему не верить.

В общем, он искал вас и нашел. Я не знаю зачем. И не знаю, почему именно сейчас. Быть может, он раскаялся, быть может, хотел попросить прощения. Теперь уже это неважно, он опоздал... По дате на документах ты увидишь, что он получил их незадолго до своей смерти. И не успел что-либо изменить...

Я хочу, чтоб ты знала, что я никогда не смогу простить тебе того, что ты сделала. Но я и не виню тебя за это. Я не согласна с твоими методами и не думаю, что Виктор заслужил такую смерть, но я признаю твое право на месть. И не обвиняю.

Расследование все еще идет. Полиция ищет тех, кому была выгодна смерть доктора Вайнштейна, но вряд ли когда-нибудь найдут. Все, что у них есть, это твое имя, но они уверены, что оно выдуманное, и марка машины с номером, но такой номер нигде не зарегистрирован, что ничуть меня не удивляет.

Я не сказала Роберту о том, что на самом деле случилось с папой, ту правду, которую знаем ты и я. От меня он никогда ее не узнает. Но я рассказала ему о тебе. Не скажу, что он обрадовался. Он очень обижен на тебя, и, кажется, догадывается, что его похищение связано со смертью отца. Он не обсуждает со мной свои подозрения и вообще не вспоминает при мне о том времени. Но я надеюсь, что со временем его обида поутихнет.

Кроме документов о признании отцовства, также в конверте ты найдешь Свидетельство о праве на наследство. На половину состояния Виктора. Это доля твоя и Коннора. Я думаю так будет справедливо.

Быть может, мы еще увидимся. Когда-нибудь...

Викки Вайнштейн, твоя сестра.

P.S. А голубую коробочку я сохраню... на память".

Невольно улыбнувшись этим словам, я качаю головой, запоздало осуждая себя за сомнительное представление с отрезанным пальцем. Он, конечно, был настоящим, но не имел никакого отношения к Роберту — Марк раздобыл его в одном из моргов, и очень гордился своей находчивостью. Я добилась желаемого — Викки поверила мне, но в итоге это оказалось лишним. И сейчас я была рада, что ни Роберт, ни Викки не стали жертвами моей мести. Этого я не смогла бы себе простить.

Отложив в сторону письмо и ту из двух бумаг, что официально признает меня, Кристину Марию Вайнштейн, дочь Виктора Вайнштейна. А свидетельство на наследство брезгливо

беру двумя пальцами и рву пополам. Потом еще раз пополам. И еще... и еще... и еще...

Ни мне, ни Коннору не нужно это наследство. Не нужны посмертные извинения. Не нужны подачки.

Все, что я получила в наследство от своего отца — это жестокость. Жестокость и эгоизм.

Когда в угоду собственной боли, в угоду собственным желаниям мы готовы жертвовать жизнями других людей. И от этого наследия избавиться не так легко, как от клочков того, что я держу в руках. Но я постараюсь. У меня еще есть целая жизнь, чтобы попытаться исправиться.

И почему бы не начать прямо сейчас?..